

Попробовал кусочек и за то, что уловил вкус мяса, его ещё и «бессовестным» обозвали. Лин Си ужасно обиделся: он ведь и сам мог бы пожаловаться, что мясо у Хо Цзюя жёсткое и зубам неприятное.

Но, вспомнив о манящем запахе обеда, он великодушно решил простить его. Бамбуковые побеги с мясом - привычное фирменное блюдо Хо Цзюя, а вот жареные свиные внутренности он приготовил по методу, который объяснил Лин Си. Сначала Хо Цзюй не ждал от этого многого, он уже пробовал подобное блюдо и знал, что даже армейские повара не могли сделать его вкусным. Что уж говорить о Лин Си, который вообще не умел готовить.

Но кто бы мог подумать: когда поджаренный ливер оказался на тарелке, аромат был настолько аппетитным, что казалось, сама прожорливость проснулась и повисла в воздухе. Хотелось схватить огромную чашку риса и тут же упасть за стол.

Когда они сели есть, слова им были не нужны, сразу же принялись уплетать. Нежные бамбуковые побеги, пропитанные мясным соком, были свежими, хрустящими и совершенно не приедались, вкусно было до невозможности.

— Я люблю свинину, — выдохнул Лин Си, когда наконец смог говорить. — Мир не может жить без свиней.

Вкус свинины был настолько хорош, что ему хотелось расплакаться. Недаром предки ещё в древности начали разводить свиней, всё-таки мудрые были люди...

Лин Си ел так, будто душа его давно улетела к небесам, а тело двигалось чисто по инстинкту. Палочки мелькали без остановки, особенно когда дело касалось свинины, но и про жареные субпродукты, приготовленные по его же совету, он не забывал.

— Хрустяще! — воскликнул он, совершенно не ожидая подобного. Ему казалось, что текстура будет мягкой, как у мяса, а оказалось упруго, хрустко, с лёгкой жевательностью.

Тщательно очищенные внутренности совсем не имели неприятного запаха, а алкоголь, добавленный при жарке, давно выкипел, так что даже тем, кто не пьёт, можно было не беспокоиться. Хо Цзюй попробовал кусочек. Рука с палочками остановилась на долю секунды, а в глазах вспыхнуло неподдельное восхищение. Лин Си, выходит, не выдумывал - его способ действительно работал. Блюдо было не просто съедобным, а на удивление вкусным.

Мужчина вдруг вспомнил о том, что часть вина осталась неиспользованной, поднялся и налил себе чашу. Почему-то ему казалось, что именно эта закуска идеально подойдёт под вино.

Лин Си был так занят едой, что даже не заметил, как Хо Цзюй потянулся за чашей. Насытившись до отвала, он погладил округлившийся живот, громко икнул и лениво скосил взгляд на Хо Цзюя. Он даже не заметил, в какой именно момент Хо Цзюй успел прихлебнуть вина.

В армии старые генералы нередко тянули его «выпить по-человечески», так что держался он за столом крепко. Деревенское же вино и впрямь не шло ни в какое сравнение с пограничным «шочу» - чашку такого выпьешь, будто воды глотнул.

Лёгкая закуска, лёгкое вино - редкая минута умиротворения, к которой Хо Цзюй не был привычен.

— Хватит пить. Ты лечиться собираешься или нет? — Лин Си протянул руку и забрал у него чашку, в которой оставалось меньше трети, поднёс к носу и понюхал.

Обычное рисовое вино, да ещё и приготовленное на простейших технологиях, тут и гадать не надо, ясно, что крепость маленькая.

Пойманный с поличным Хо Цзюй нервно потёр кончик носа:

— Чуть-чуть не страшно.

— «По чуть-чуть и гора растёт», не слышал? — Лин Си на редкость строго шикнул на него и, приподняв чашку, окинул взглядом мужчину: — Остаток я выпью за тебя. И чтобы больше ни капли.

Хо Цзюй вдруг ощутил странное чувство, будто его отчитывает старый армейский лекарь. И возразить сразу не смог. Только и смотрел, как Лин Си залпом опустошает чашку.

Губы юноши блеснули от вина, покрывшись влажным, мерцающим светом; в легком движении губ и белых зубов разливался тонкий, едва уловимый аромат рисового алкоголя.

Мужчина смотрел на Лин Си так пристально, что кадык у него невольно дёрнулся, словно хищник, почуявший добычу. Лин Си настороженно вскинул голову, и Хо Цзюй тут же отвёл взгляд, делая вид, будто ничего не было. Он раздражённо прикрыл половину лица, ощущая горячее дыхание на ладони - было похоже на то, как бьётся в груди его беспокойное сердце.

Вот ведь... давно он не пил. С чего его так быстро развезло?

Немного вздремнув после обеда, они спустились с горы и отправились к дому старосты. Тот, как и следовало ожидать, всё уже подготовил - брачная запись была аккуратно выписана, оставалось лишь поставить отпечатки. Лин Си серьёзно всё обдумал: эта бумага давала ему законный статус в мире; а имея её на руках, он мог не бояться, что Хо Цзюй однажды сбежит. По сути, у него появится долговременный человеческий ингибитор.

А ему самому лишь нужно притворяться гером. Что до детей - если кто-то спросит, всегда можно что-нибудь наврать, в любые времена хватает тех, кто не может иметь потомства; почему ими не можем быть мы?

Поэтому, когда пришло время ставить отпечаток, Лин Си сделал это без малейшего колебания. Если бы Хо Цзюй не знал, что он его не любит, то по этому рвению можно было бы решить, что Лин Си едва ли не мечтал выскочить замуж.

— Новый дом так быстро не построить, — староста пригубил чай. — В деревне есть пустой дом, который сдают в аренду. Вы как думаете?

— Мы и в бамбуковом домике в горах проживём, — сразу откликнулся Лин Си. Он совершенно не понимал, зачем староста предлагает лишние траты, по его мнению, переплачивать за аренду просто глупо.

Хо Цзюй же понимал добрые намерения старосты: обычным людям страшно жить в глубокой горной чаще. Кругом опасности, до деревни далеко, случись что - ни крикнуть, ни помощи дожидаться. А дом в деревне, хоть и стоит денег, но и безопаснее, и удобнее; да и соседи рядом, всегда помогут.

Но, вспомнив, что Лин Си умеет говорить с Волчьим королём, староста чуть яснее понял его решимость жить в горах и перевёл взгляд на Хо Цзюя.

— Спасибо вам за заботу, — кивнул Хо Цзюй. — Все наши вещи сейчас в бамбуковом доме. Постоянно перетаскивать туда-сюда неудобно. Давайте лучше дождёмся, пока новый дом достроят, и тогда уже сразу переедем.

Староста тяжело выдохнул, видно было, что спорить он уже не станет.

— Ладно, и так тоже можно. Я уже сказал деревенским, чтобы с завтрашнего дня начинали строить вам дом. Постараемся закончить как можно быстрее, чтобы вы могли поскорее перебраться.

Хо Цзюй кивнул и повернулся к Лин Си:

— Завтра я пойду с деревенским старостой в уездную управу. А ты останешься здесь и поможешь всем строить дом.

Услышав, что ему не придётся идти в учреждение, Лин Си сразу просиял и поспешно согласился:

— Хорошо-хорошо!

Староста же понял это по-своему: решил, что Хо Цзюй поручает Лин Си готовить кормёжку. Когда в деревне кто-то строит дом, вся деревня приходит помочь, а хозяева в благодарность готовят рабочим обед.

— Твой супруг один не справится, — сказал староста. — Я пришлю двух женщин или геров, чтобы помогли на кухне.

Лин Си растерянно моргнул. Разве не говорили, что у геров силы мало? Почему тогда на кухню зовут именно их, а не мужиков? Он хотел что-то уточнить, но не успел. Хо Цзюй заметил недоразумение и поспешил объяснить:

— У Лин Си большая сила, он сможет помогать строить дом. Готовит он средне, так что, пожалуйста, позовите двух тётушек или дядюшек, которые хорошо готовят.

Староста только поморщился. В его глазах Хо Цзюй говорил явный вздор. Какой бы силой ни обладал гер, это же всё равно гер - куда ему мешаться среди мужиков и тягать брёвна? Да ещё позволять собственному супругу работать вперемешку с мужчинами... не боится, что люди будут сплетничать?

Староста посуровел и строго отругал Хо Цзюя:

— Хо-далан, ты же опора дома! Как можно заставлять своего фулана делать такую работу? Разве это не притеснение? Раз уж женился, так будь добр относиться к человеку хорошо. В нашей деревне Линьшуй неблагодарных мужей не потерпят!

Хо Цзюй: «...»

Он хотел бы объяснить, что с того дня, как встретил Лин Си, это его всё время притесняют... но объяснить такое невозможно.

— П-понял... Спасибо за наставление, — Хо Цзюй опустил голову. Возразить было нечего, оставалось только покорно согласиться.

Лин Си отвернулся и хихикнул. Какой же несчастный мужчина.

— Что готовить на обед? — спросил Лин Си. Он хотел, пока не стемнело, подстрелить какую-нибудь дичь. Люди ведь придут помогать строить дом, не заставляя же их работать на пустой желудок.

Хо Цзюй нажал ему на тыльную сторону ладони, пресекая его порыв:

— Я уже спрашивал у старосты: готовить слишком богатый стол нельзя. Нужно обычное, чтобы всё было по правилам. Иначе потом другим, когда станут строить дом, будет неловко - подумают, что не соответствуют вашему примеру.

Деревня маленькая, и всё держится на человеческих отношениях. Оступишься, и кого-нибудь

непрерывно заденешь.

— Людей придёт много, — продолжил Хо Цзюй. — Мужики едят немало. Пусть завтра те, кто будет помогать на кухне, напекут побольше лепёшек из замяна*, а ты добудь кролика или фазана, одного мясного блюда хватит. Ещё одно овощное блюдо и большая кастрюля супа - этого вполне достаточно.

(ПП: замян - смесь бобовой и пшеничной муки)

Лин Си азартно закивал, но вдруг застыл:

— Подожди... в нашем доме же только белая мука, замяна нет.

Неожиданно прозвучавшие из уст Лин Си слова «наш дом» заставили Хо Цзюя на миг окаменеть. В груди качнулась тихая тёплая волна, мягкая, словно морская рябь, лизнувшая песок.

— Угу. Завтра утром я пойду с деревенским старостой в уезд. Если вернусь рано, куплю замян. Если же меня не будет до полудня, возьми наш рис или муку и обменяй у соседей, — сказал он и посмотрел на Лин Си своим чёрным, чуть затуманенным взглядом. Он был похож на пожилого отца, впервые отправляющего ребёнка в детский сад и мечтающего всё сделать за него самого.

— Ладно, — пробормотал он, — лучше я сам завтра с утра встану пораньше и заранее обменяю замян...

Лин Си только теперь осознал, что Хо Цзюй всерьёз беспокоится, будто он настолько несмышлёный, что и такую пустячную вещь не осилит. Он фыркнул, то ли от смеха, то ли от возмущения:

— Мне восемнадцать, а не восемь. И даже восьмилетки могут бегать за соевым соусом. Тут же просто поговорить надо, что тут сложного?

Ну да... Опомившись, Хо Цзюй и сам понял, что перестарался. Лин Си, пожалуй, и человека зарубит без колебаний - как овощ нарезать. Как уж он может не справиться с обменом муки?

— Со... что такое? — переспросил Хо Цзюй, уловив незнакомое слово. — Что такое соевый соус?

Лин Си моргнул:

— Ты... не знаешь, что такое соевый соус?

Хо Цзюй поразмыслил и, убедившись, что не слышал такого слова, уточнил:

— Не знаю. Это что-то вроде кунжутного масла или топлёного свиного жира?

— Нет. Соевый соус - это жидкая приправа, — объяснил Лин Си. — Добавляешь в блюдо, и оно сразу становится ароматнее и вкуснее, да и аппетит повышает. А, да, ещё он солёный.

Хо Цзюй задумчиво кивнул:

— Значит, может заменить соль?

Лин Си почесал затылок:

— В рецептах, насколько помню, кладут и то и другое. Соль всё равно незаменима, в ней есть нужные человеку вещества, без неё начнутся болезни. И при приготовлении соевого соуса тоже обязательно добавляют соль.

Говоря это, он вдруг оживился, будто лампочка вспыхнула:

— А если я смогу сделать соевый соус... можно будет на этом заработать?

Хо Цзюй помолчал пару секунд и мрачным голосом произнёс:

— Можно. Но тебя, скорее всего, убьют.

— А? — у Лин Си по коже побежали мурашки. — Я что, нарушу какой-то закон, если буду продавать соевый соус?

Хо Цзюй серьёзно пояснил:

— В Дашэне соль и железо находятся под жёстким государственным контролем. Особенно сейчас, когда на севере только-только утихла война, стране нужно восстанавливаться и пополнять казну. Прибыль от соли и железа огромна, считай, в сто раз больше обычной. Если соевый соус появится и начнёт заменять соль, это ударит по чьим-то интересам. Как думаешь, тебя за это пощадят?

В его глазах мелькнули тёмные оттенки, скрывая от Лин Си что-то сложное и тревожное.

Лин Си не был тупицей, он сразу всё понял. Издавна говорят: «простолюдин не может бороться с властью». В этом времени простой человек - ничто. Стоит дворовому псу из богатого дома нахмуриться, и тебя раздавят. Что уж говорить о том, кто сидит на драконьем троне.

Соевый соус мог появиться, но не в его руках. У него нет ни статуса, ни покровителей. Если он внезапно вынесет на свет что-то ценное, то это будет не что иное, как «у простолюдина есть сокровище, и его вина лишь в том, что он его носит».

— Тогда... и моё мыло из сосновой смолы тоже нельзя продавать? — догадался Лин Си.

Хо Цзюй кивнул:

— Пока нельзя.

Он уже успел попробовать то мыло, что сделал Лин Си: оно очищало превосходно, оставляло на руках лёгкий аромат. Дворянские барышни такое бы расхватали, не задумываясь о цене.

— В уездном городе мало кто сможет купить твоё мыло. У богатых спрос невелик, а вот привлечь внимание тех, кому не следует, очень легко. Оно того не стоит, — объяснил Хо Цзюй.

Иначе говоря, в уездном городе просто нет подходящей аудитории: люди не настолько богаты, чтобы позволить себе подобную роскошь.

Лин Си сжал пальцами переносицу, задрал голову к небу и трагически взвыл:

— Как же трудно заработать деньги!

Слишком много ограничений.

— Потихоньку. Со временем что-нибудь придумается, — спокойно сказал Хо Цзюй. По его мнению, при умении и смекалке Лин Си сто лян - сущая ерунда.

Если бы Лин Си знал, что у него в голове, наверняка бы попытался его придушить: легко рассуждать, когда сам не мучаешься.

На следующее утро, когда небо ещё не успело посветлеть, Хо Цзюй проснулся и принялся умываться. Стоило ему пошевелиться, как Лин Си распахнул глаза, лениво зевнул:

— Который час?

— Час Мяо, ещё рано, — Хо Цзюй сразу понял по его сонному, тягучему голосу, что тот толком не проснулся, и ответил нарочно тихо:

— Спи дальше.

Лин Си дёрнул ногами, скинул с себя тонкое одеяло и хорошо потянулся:

— Встану, приготовлю тебе завтрак. Поешь, и я снова посплю.

Обычный бытовой разговор, но для Хо Цзюя он был чем-то давно забыто-тёплым. Его взгляд сам собой смягчился:

— Не надо. Я разогрею вчерашний мясной бульон, добавлю лапши, и хватит. А ты поспи. Когда деревенские придут помогать строить дом, уже будет поздно выспаться.

У Лин Си аж слюна подступила, самому хотелось мясной лапши. Но услышав вторую половину фразы, он поколебался пару секунд и выбрал сон: перевернулся на бок, обнял тонкое одеяло и тут же отправился продолжать партию с Морфеем.

Хо Цзюй непроизвольно улыбнулся его проделкам. Настоящий маленький сорванец.

Поскольку сегодня предстояло идти в уездную управу, Хо Цзюй опасался встретить там старых знакомых и намеренно не надел новую одежду. Вместо этого сменил внешний вид, облачился в старую кожаную куртку и прикинулся охотником. В прошлый раз, столкнувшись по дороге с солдатами, он потом несколько дней жил с камнем на душе. Но раз до сих пор ничего не случилось, значит, удалось проскочить незамеченным. Во всяком случае, после того как Нинван появился в тех краях, а следом за ним чиновники и солдаты начали расспрашивать всех подряд, Хо Цзюй стал куда осторожнее. И если бы дело можно было поручить кому-то другому, он ни за что бы не сунулся сегодня в управление.

Пока в голове роились тревожные мысли, руки Хо Цзюя работали безошибочно. С детства он топил печь и готовил, так что даже после многолетнего перерыва всё делал быстро и ловко. Печка, которой они пользовались сейчас, была сложена самим Лин Си, она отличалась от обычных деревенских очагов: камень, глина, перемешанная с соломой. Даже ливни её не размыли.

Хо Цзюй прикидывал: когда дом внизу будет готов, им нужно будет раздобыть две железные сковороды. В бамбуковом домике старая железная прогорела, и они всё это время пользовались глиняными и каменными горшками или бамбуковыми трубками. В бамбуке рыбу тушить вообще одно удовольствие, аромат получается особенный, Лин Си особенно это любил.

Лапшу Хо Цзюй замешивал сам. Рана на груди почти не беспокоила, и он двигался легко, уверенно. Его руки, сильные и выносливые, тянули тесто без труда. Дома Чжао Сюцзюань учила его только раскатывать тесто, а лапшу тянуть научил именно Лин Си. Стоило Хо Цзюю освоить основные принципы, и дело пошло само: у него был природный талант к готовке.

Учитель же... увы, был «мастером только на словах»: стоило Лин Си взяться за тесто, как лапша рвалась или тянулась криво и неравномерно. А вот ученик Хо Цзюй по одному лишь объяснению мог в совершенстве повторить блюда, которые Лин Си прежде видел только в

кулинарных книгах.

После закипания свежей тянутой лапши Хо Цзюй плеснул в котёл ковш холодной воды - так лапша становилась упругой и жевалась куда приятнее. Когда вода снова закипела, он повторил то же самое. И ещё раз. Три захода, и лапша сварилась в самый раз. Он залил её мясным бульоном, оставшимся со вчерашнего вечера, посыпал горстью ярко-зелёного лука, и ароматная, дымящаяся чашка лапши была готова.

Одной рукой он поднял большую чашку и вышел под навес у дома. Под звонкую утреннюю трель птиц он большими глотками ел гладкую, упругую лапшу, чувствуя, как тепло разливается по телу.

Наверное, аромат добрался и до спящего Лин Си: тот, не просыпаясь, зачмокал губами и сонно промямлил:

— Вкусно...

Прибравшись в доме, Хо Цзюй, опираясь на костыль, направился вниз по горной тропе. И вдруг, без единого предупреждения, перед ним выскочил огромный серый волк. Тело Хо Цзюя в одно мгновение напряглось, взгляд стал жёстким - он был готов к бою.

Небо на востоке только начинало окрашиваться в нежный оранжевый, и из тени выступил гигантский зверь. Утренний ветер шевелил его густую шерсть, и внушительный волк... внезапно опустился перед Хо Цзюем и ткнулся ему головой в бок.

Хо Цзюй застыл. Что за...

Подойдя ближе, он наконец разглядел зверя. Это был тот самый волк, который в ту ночь переломал ноги Чжан Баошуню. Всё стало ясно. Хо Цзюй осторожно протянул руку и похлопал зверя по голове.

— Ты... друг Лин Си?

Позади вдруг раздался сонный голос:

— Точно, я забыл тебе сказать, я попросил Дахуэя проводить тебя вниз с горы.

Хо Цзюй обернулся и увидел Лин Си, который в накинутом поверх рубашки халате стоял под навесом и тёр заспанные глаза.

— Почему проснулся?

Лин Си потрогал живот:

— Меня разбудил запах лапши, которую ты варил.

В уголках губ Хо Цзюя появилась мягкая улыбка:

— Я оставил лапшу томиться в котле. Как раз поешь, пока не разбухла.

Услышав, что есть порция и для него, Лин Си мигом забыл и про Хо Цзюя, и про Дахуэя, и вихрем умчался в дом.

Хо Цзюй потрепал волка по голове.

— Значит, тебя зовут Дахуэй, да?

— Ау-у-у, — протянул волк. Он учуял на теле Хо Цзюя запах Лин Си и окончательно убедился, что этот человек «из его стаи», поэтому вел себя необычно дружелюбно.

Дахуэй был куда крупнее обычных волков. Даже при росте Хо Цзюя метр девяносто семь тот, сидя верхом на звере, не выглядел ни стеснённым, ни нелепым.

Едва Хо Цзюй устроился на спине Дахуэя, волк сорвался с места, словно стрела. Утренний ветер, холодный и влажный от росы, хлестал мужчину по лицу. Он наклонил корпус вперёд и, как на лошади, быстро поймал нужную посадку. Картина была поистине сказочной: высокий, крепкий мужчина мчится сквозь лес верхом на огромном, стремительном волке, а сквозь прорвавшиеся облака пробивается золотистый свет рассвета, ложась на них, как в мифах и легендах.

Добежав до подножия горы, Дахуэй остановился. Хо Цзюй потрепал его по густой шерсти:

— Спасибо. Ступай назад.

Похоже, волк прекрасно понял слова, он развернулся и стремглав умчался в горы, исчезнув за несколько мгновений.

Хо Цзюй поймал себя на мысли, что всё, что связано с Лин Си, непостижимо и странно, будто нарушает привычные законы мира. Опираясь на костыль, он не спеша зашагал к деревенским воротам. Сквозь утренний туман медленно показалась телега - староста подъезжал, понукая вола. Завидев Хо Цзюя, он даже приподнялся от удивления:

— Далан, ты так рано?

Хо Цзюй, разумеется, не мог сказать, что его привёз волк. Он спокойно кивнул:

— Боялся задержать дело.

Староста довольно кивнул. Вот уж действительно, бывавший на войне человек куда надёжнее и собраннее, чем деревенские молодые парни, которым хоть солнце взойдёт, хоть петух десять раз пропоёт, всё равно родителям приходится пинками выгонять из избы.

— Подождём немного, — сказал староста. — И заодно подберём тех, кто тоже едет в город.

Воловью повозку в его доме запрягали нечасто, но всякий раз староста нарочно стоял немного дольше у выезда, чтобы другим было удобнее присоединиться. Тогда народ не будет шептаться, что он «жадничает».

— Завтракал? Вот, тетя Су испекла лепёшек, — он достал из-за пазухи две горячие лепёшки и одну протянул Хо Цзюю.

Тот поднял руку, отказываясь:

— Спасибо, я уже поел.

Староста явно не поверил. Он сам едва успел сунуть лепёшку в карман, чтобы съесть в дороге. А Хо Цзюй пришёл почти в то же время, да ещё и хромает, значит, поднялся раньше него. Какой уж тут завтрак.

— Не выпендривайся. Всего-то лепёшка, не разорюсь, — проворчал староста и буквально впихнул лепёшку Хо Цзюю в ладонь.

Она была горячей, обжигала пальцы, и это тепло, будто живое, растекалось у него в груди. Хо Цзюй убрал лепёшку в сумку и, искренне, от души сказал:

— Спасибо, староста.

Через четверть часа стали подходить и другие деревенские, и среди них неожиданно оказался дядя Люй. Настоящее имя дяди Люя - Люй Чжи, он родом из этой же деревни; дом его родителей стоит всего в нескольких шагах от дома мужа. Когда Люй Чжи только достиг брачного возраста, родители за пять лян серебра выдали его замуж в соседнюю деревню Даянь за вдовца.

Сначала жизнь у него ладилась: хоть муж и был старше его более чем на десять лет, но зарабатывал хорошо. Кто бы мог подумать, что со временем этот человек покажет своё истинное лицо: начал бить и бранить Люй Чжи по малейшему поводу, однажды пнул так, что

вызвал выкидыш. И вместо раскаяния ещё обвинил самого Люй Чжи, мол, тот «неспособный», не сумел доносить младенца.

Люй Чжи был убит горем и думал, что вся его жизнь теперь окончена, что обречён до конца дней тлеть в этом огненном омуте. Но его муж однажды, отправившись с грузом, столкнулся с бандитами и погиб.

Зарабатывать муж умел, а вот сохранить заработанное Люй Чжи не смог: едва тело остыло, как родственники покойного набежали, подчистую разделили всё имущество и выставили самого Люй Чжи за дверь. Вернувшись в родительский дом, Люй Чжи не нашёл там утешения, напротив: отец с матерью ежедневно осыпали его бранью, называли никчёмным, упрекали, что раз муж оставил имущество, оно должно было достаться ему, Люй Чжи, а он даже дом не сумел отстоять. Муж, говорят, был хоть куда, а сам Люй Чжи и впрямь совсем бесполезный.

Но что мог сделать Люй Чжи, обычный гер? Родня не только не поддержала его, но и сыпала колкими насмешками. Да и правда: у него не было ни сына, ни дочери, для них он уже почти чужой. Держать в доме лишний рот никто не хотел. Едва похоронили его первого мужа, родители снова выдали его замуж, на этот раз за нынешнего супруга, и всего за три лян серебра. Если бы тот мужчина не был парализованным, никто бы и не подумал брать в дом уже побывавшего замужем гера. Так что вопрос, стоил он трех лян или нет, даже не рассматривался, просто не было другого варианта.

Так и передавали Люй Чжи, словно товар, которого перепродают из рук в руки. Каждый день он только и делал, что работал до изнеможения, будто на другое у него и не было права.

— Люй Чжи-гер, у тебя ведь уже шестой месяц? Как это ты один собираешься в город? — спросила женщина примерно его возраста, не скрывая удивления.

Люй Чжи натянуто улыбнулся:

— В последнее время живот что-то неважно себя ведёт... Не по себе как-то. Вот и решил сходить к лекарю, перестраховаться.

Окружающие посмотрели на него с беспокойством и наперебой заговорили:

— Это нельзя пускать на самотёк, правильно делаешь, что идёшь.

— Тебе это дитя и так досталось нелегко. Будь осторожнее, хуже не будет.

- И мои свёкор со свекровью так говорят. Потому и отправили меня в уезд врачу показаться, — услышав искреннюю заботу от земляков, Люй Чжи чуть улыбнулся.

— Так они бы хоть кого-нибудь с тобой послали! — недовольно фыркнула одна женщина. — Не

боятся, что с тобой что-то случится по дороге?

Улыбка на лице Люй Чжи померкла. Он неловко ответил:

— Свёкор со свекровью за лавкой присматривают, им отлучиться никак нельзя. И... здоровье у них слабое, поездка им не под силу.

Женщина хотела ещё что-то сказать, но соседка незаметно ткнула её локтем, и та недовольно замолчала. В деревне все прекрасно знали, что эта семейная пара - откровенные лежебоки. Старость дело понятное, но это не повод сваливать на беременного гера абсолютно всё: и дом, и хозяйство, и лавку.

Нынешняя семья Люй Чжи носила фамилию Цао. У стариков Цао было двое сыновей. Старший - крепкий, трудолюбивый и почтительный. Его жена тоже оказалась проворной, хозяйственной женщиной. На второй год брака она родила крепкого, здорового сына, их семья жила дружно и благополучно.

Младший же в детстве тоже был смышлённым, но в пять лет, балуясь, полез за фруктами на дерево, сорвался и упал головой вниз. К счастью, сумел выжить, но на всю жизнь остался парализованным.

При живом старшем сыне жизнь семьи Цао ещё более-менее ладилась: брат с женой помогали ухаживать за калекой-младшим, и дни текли терпимо. Но счастье оказалось недолгим. Однажды зимой младший, лежачий, сказал, что хочет рыбы. Старший брат взял удочку и отправился на зимнюю рыбалку. И провалился в полынью, больше его не увидели. Старшая невестка возненавидела деверя до глубины души: если бы тот не захотел рыбы, разве случилось бы несчастье?

С той поры она не могла видеть второго сына, ненависть разъедала её, рассудок помутился. И однажды ночью, в полной темноте, она попыталась убить Цао-младшего ножницами. В темноте промахнулась по сердцу и вонзила железо ему в плечо. Боль была такой, что Цао-младший поднял крик на всю деревню. Старики Цао, услышав шум, тут же ворвались в комнату и остановили её.

У стариков остался единственный выживший сын, и они никому не позволили причинить ему вред, пусть даже это была жена их старшего сына. Они категорически потребовали отдать её под суд. Лишь вмешательство деревенского старосты помогло найти иной выход: родня забрала женщину обратно, а с семьей Цао связь оборвали навсегда. Даже ребёнка, и того не взяли. Но Цао и не собирались отдавать кровь своего рода посторонним. Так малыш остался в доме Цао и был записан как старший сын парализованного Цао-младшего. Старики, терзаясь виной перед погибшим сыном, не пожалели и последней крохи: хотя в доме голод стоял стеной, они не перестали отправлять ребёнка в школу, чтобы тот получил образование.

Однако никто из них даже не задумывался о том, что деньги на учёбу зарабатывает именно Люй Чжи, отчим, к которому у ребёнка нет ни кровной, ни законной связи; тот самый, кого

семья считает «ничего не стоящим».

Хо Цзюй сидел рядом, слушал разговор вполуха, но не вмешивался. Он держался прямо, как всегда, и вовсе не собирался влезать в чужие семейные дела.

Люй Чжи же, заметив краем глаза его профиль, понял по его виду, что тот не желает слушать про чужие беды, и поспешил перевести разговор:

— Тот красивый гер, который вчера приходил ко мне за вином... это ведь твой фулан, да? Такой хорошенький.

Хо Цзюй не понял, почему дядя Люй вдруг решил завести с ним беседу, да и ответить на такую фразу было неловко. Он коротко кивнул:

— Да. Спасибо, что приняли его.

— Что ты, что ты, — смутился Люй Чжи, замахал руками. — Мы ж все деревенские...

Другие тут же подсели поближе, засыпая Хо Цзюя вопросами:

— Хо-далан, говорят, вы сегодня дом строить начнёте? Ты и правда собрался жить вместе с этим гером?

— А тебе не страшно? Говорят, у него странная болезнь?

— Ты хоть знаешь, откуда он взялся? — вмешался кто-то. — Был ли он обручен раньше?

— Разве он не собирался почти породниться со Шунцзы? Хо-далан, тебе это не мешает?

Сплетни в крови у людей, но совать нос настолько глубоко, да ещё в присутствии того, кого это касается, уже за гранью приличия. Хо Цзюй терпеть не мог подобных мерзких привычек. Его лицо потемнело, стало холодным, как лёд, и давящий, угрожающий взгляд, что он бросил на толпу, заставил всех разом смолкнуть. В повозке стало так тихо, что слышно было только, как колёса шуршат по дороге. Он не сказал ни слова, но этого и не нужно было: его глаза были, будто ледяные клинки, вонзающиеся прямо в грудь, пронзающие лёгкие. У людей на спинах выступил холодный пот; одна голова за другой пряталась в плечи, никто не смел даже вдохнуть громко.

— Лин Си - мой супруг. Неуважение к нему - значит, недовольство мной, — произнёс Хо Цзюй глухо, с хищной угрозой в голосе. — Есть претензии ко мне, приходите и говорите мне в лицо.

В его взгляде вспыхнула такая ярость, что окружающим стало не по себе: колючие мурашки побежали по коже, хотелось спрыгнуть с повозки и бежать без оглядки. Уж действительно лучше не связываться. Человек, прошедший войну и убивавший на поле боя, одним взглядом способен заморозить кровь. Кому теперь захочется судачить у него за спиной? Разве что тому, кто жить устал!

Толпа затрясла головами, кивала как заведённая. Все сжались в комок и коситься лишний раз боялись.

Староста, покуривая сухую трубку и правя воловьей повозкой, всю дорогу молчал. И правда, как жена и говорила: Хо-далан - парень толковый, гораздо надёжнее Хо Чанъаня и Хо Чаншэна.

Повозка шла на редкость тихо, и старосте впервые за долгое время не звенело в ушах от бесконечного деревенского щебета.

Когда они добрались до уездного города, староста сперва поехал оставить повозку на хранение. Остальные разошлись по своим делам, и, вернувшись, он увидел под большим деревом одного лишь Хо Цзюя.

— Люй Чжи уже ушёл? — удивился староста. — Я ведь хотел отвезти его в клинику.

Всё-таки свой, деревенский. Если уж можно помочь, почему бы не помочь? А там, глядишь, и удача улыбнётся: говорят, что если соприкоснуться с «детским духом», то в доме и у себя прибавления дождёшься.

— Дядя Люй сказал, что дорогу знает, — объяснил Хо Цзюй. Он предлагал довезти того до клиники, но Люй Чжи не захотел никого утруждать и мягко отказался.

— Ладно... Пойдём, я покажу, где тут ямен, — староста указал направление и повёл Хо Цзюя.

Опасения Хо Цзюя оказались напрасными: всё прошло на удивление гладко. Когда они вышли из ямена, небо было ясным, солнце стояло высоко. Хо Цзюй уже собирался купить риса и муки перед дорогой обратно, как вдруг из толпы раздался переполох.

— Эй! Здесь у беременного началось кровотечение!

— Есть кто из лекарей? Быстрее, помогите!

У Хо Цзюя и старосты тревожно ёкнуло сердце. Нехорошее предчувствие накрыло их одновременно. Лицо старосты побледнело, губы задрожали:

— Не... не может быть...

Хо Цзюй не мог дать ему твёрдого ответа. Он мрачно сказал:

— Сначала посмотрим.

Староста сорвался бегом к толпе, Хо Цзюй, опираясь на костыль, поспешил следом. Стоило им скрыться за углом, как к ямену подошёл мужчина с мечом на поясе, стройный, с прямой спиной. За ним следовал отряд стражников. Он внезапно остановился, глядя в ту сторону, куда ушли староста с Хо Цзюем.

— Господин? — один из подчинённых огляделся, пытаясь понять, что привлекло его внимание.

Мужчина отвёл взгляд:

— Ничего.

Спина у того хромого охотника показалась ему смутно знакомой... но тот ведь был с костылём, в простой охотничьей одежде. Вряд ли это мог быть тот, о ком он подумал.

<http://bllate.org/book/13580/1204868>